

Алексей Митрофанов
Мясницкая

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Мясницкая. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Мясницкая. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900030-9

Мясницкая — один из символов Москвы. Это особый мир. Мир Маяковского и Лили Брик, мир традиционного православия и старообрядчества, мир детских игрушек и почтовых служащих. Мясницкая всегда была деловой улицей. Тут больше столетия назад начали появляться офисы крупных компаний. Мясницкая неширока. Ее можно перебежать за несколько секунд. А дома здесь высокие, и нависают над прохожими и с одной, и с другой стороны. Но этот не пугает, а, напротив, интригует.

ISBN 978-5-44-900030-9

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Незаурядные ряды	7
Главный склеп СССР	10
Партизаны	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мясницкая Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2017

ISBN 978-5-4490-0030-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мясницкая – один из символов Москвы. Улица так же символична, как Тверская и Арбат, а также Бейкер-стрит, Крещатик и Бродвей. Достаточно произнести одно из этих слов – и уже не нужно город называть. Всем все понятно.

Мясницкая – один из символов Москвы. Это особый мир. Мир Маяковского и Лили Брик, мир старообрядчества и традиционного православия, мир детских игрушек и перепачканных чернилами почтовых служащих.

Именно здесь находится главный почтамт страны. Именно у истоков этой улицы стоит главный российский магазин детских товаров. Именно здесь один из лучших книжных магазинов города. Именно под Мясницкой улицей проходит первая линия московского метро. И именно на этой улице окончил свою жизнь Владимир Маяковский.

Мясницкая – от века улица деловая. Тут больше столетия назад начали появляться офисы крупных компаний, а в скором времени улица сделалась своего рода продолжением Китай-города, «сити» Москвы.

Улица оставалась таковой и после революции. Краевед А. Родин примечал в 1924 году: «Мясницкая – это улица металла, электричества, цемента, леса, стекла. Все, что нужно для грандиозного строительства города и деревни, – от гвоздя до двигателя, от бревна и бочки цемента до оборудования электрических станций – все это идет с Мясницкой или через Мясницкую. Громадные магазины-выставки, внушительные конторы хозяйственных центров, колоссальные зеркальные окна, солидные деловые вывески и... вечно беспокойный поток людей, пролеток, автомобилей, трамваев – вот что составляет облик Мясницкой».

Этот стиль улица держит по сей день. Разве что трамвай с нее ушел и больше не вернется.

Мясницкая неширока. Ее можно перебежать за несколько секунд. Но так поступать не стоит – Мясницкая коварна. Это только кажется, что здесь машины ездят медленно и величаво. В действительности они едут спешно, а водитель то и дело отвлекается на очередной архитектурный памятник в стиле эклектики.

Кстати, ездить по Мясницкой – удовольствие неопишное. Еще поэт Пушкин об этом мечтал в своем изумительном, трепетном стихотворении «Дорожные жалобы»:

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

Ряды домов (левый и правый, четный и нечетный) высятся друг напротив друга, нависают над прохожими таинственными, серыми, оштукатуренными, разукрашенными глыбами. Здесь можно забыть обо всем – просто гулять по узким тротуарам и впитывать в себя события былых веков.

Веков же этих на Мясницкую нанизано немало – улица возникла полтысячелетия тому назад.

А вдоволь нагулявшись по Мясницкой улице, а также осмотрев ее исток – Лубянскую площадь (кстати, еще один из символов Москвы), можно углубиться в переулки и бродить в них еще несколько часов. Переулки здесь особенные – искривленные, обманчивые, завлекающие. И не удивляйтесь, если удаляясь от Мясницкой, вы часок спустя вдруг вновь окажетесь на ней. В других местах такое невозможно в принципе. Здесь же – обычное явление, вполне привычное для старожилов.

Ну, а мы по традиции начнем свой маршрут не с Мясницкой, а несколько раньше – с Никольской улицы и даже с Красной площади. Именно отсюда начинается та магистраль, которая, пройдя через Мясницкую, выведет нас сквозь «площадь трех вокзалов» к замечательному парку под названием «Сокольники». Парк, разумеется, мы тоже не оставим без внимания.

Незаурядные ряды

Здание ГУМа – Верхних Торговых рядов (Красная площадь, 3). Построено по проекту архитектора А. Померанцева в 1893 году.

Главным московским магазином, невзирая на обилие новейших супермаркетов, по сей день остается ГУМ. Во-первых, он находится в самом что ни на есть центре города – на Красной площади. Более статусного местоположения не придумать, разве что в Кремле. Во-вторых, магазин предназначен для людей с самым разным уровнем дохода (в наши дни такое – редкость). В-третьих, там можно купить почти что все. В-четвертых, ГУМ привычен. В-пятых – легендарен.

И так далее.

До появления этого здания на месте, занятом нынешним ГУМом, находилось учреждение того же профиля – торговые ряды (их называли Верхними). Правда, они были более неряшливыми и, более того, деревянными. Но жизнь в них проходила веселая. Одни лишь зазывные слоганы могли очаровать приезжего провинциала. То и дело на пути у покупателя вставал приказчик и произносил такую, например, речевку:

– У нас без обману, материал без изъяну, имеем подушки пуховые, кровати двуспальные ольховые, ящики туалетные на двадцать мест – подарки для женихов и невест!

Ассортимент и правда впечатлял.

Но бывалый покупатель равнодушно шел своей дорогой – он привык к такой назойливой рекламе так же, как и наши современники.

Впрочем, иной раз приказчики на время забывали о заученных рекламных текстах и давали волю собственной фантазии. Ловили, например, мышей, засовывали их в коробки, а коробки обряжали в яркую бумагу с бантиками – подарочная упаковка в позапрошлом веке мало чем отличалась от нынешней. Затем «подарочек» подкладывали на пути все тех же покупателей и дружно хохотали, глядя, как солидный господин или же дама с вороватым видом поднимают грызуна.

Примораживали к полу гривенники и другую мелкую монету (естественно, морозы легко проникали в ветхие строения) и хохотали над попытками прохожего отколупнуть монету.

– Копытцем попробуй, – кричали ему.

Иной раз «зеленили» или же «краснили» посетителя (для этого обычно выбирались персонажи звания духовного – они смешнее удивлялись). Какой бы цвет ткани не называл бедный батюшка, ему обязательно давали либо красную, либо зеленую материю. Священник начинал чураться, нервничать и вообще вести себя не подобающе сану.

* * *

Старое здание Верхних торговых рядов все больше ветшало и, разумеется, устаревало морально. Мало того что электричества здесь не было – предпринимателям не разрешалось даже пользоваться свечками из опасения, что деревянные постройки могут в одночасье выгореть. Об отоплении, конечно, речь также не шла. Продавцы восседали в тяжелых енотовых шубах, чернила превращались в мерзкий черный снег, который в случае необходимости оттаивали собственным дыханием, а грелись, как не трудно догадаться, водкой.

Под конец девятнадцатого века власти объявили конкурс на проект новых рядов. И началась суета. Всем архитекторам сразу же захотелось оставить рядышком с Кремлем свидетельство своего яркого таланта. В конкурсе участвовали знаменитости первейшего разбора – Шервуд, Клейн и даже живописец Верещагин.

Проекты мало отличались друг от друга. Все здания выглядели длинными, приземистыми и с башенками в русском стиле. Победителем же стал А. Померанцев, представивший проект с довольно пафосным девизом – «Московскому купечеству».

Одновременно с творческой интеллигенцией занервничало и само «московское купечество». Но совершенно по иному поводу. Предприниматели подсчитывали будущий убыток, связанный с затормозившимся бизнесом. Не желали они покидать старые добрые насиженные лавки (хотя для них и выстроили так называемые временные ряды). Но городские власти поступили радикально – в один прекрасный день купечество явилось на свои рабочие места и обнаружило их запертыми и под тщательной охраной. Один предприниматель из славного рода Солодовниковых не выдержал такой напасти и зарезался в Архангельском соборе. К счастью, прочие его коллеги оказались более устойчивыми к потрясению.

И в результате в Москве все-таки появилось новое здание Верхних торговых рядов.

«Они представляют собой выдающееся сооружение среди торговых помещений не только России, но и Западной Европы», – писал о тех рядах один дореволюционный путеводитель по Москве. Неудивительно – огромнейшие галереи, собственная электростанция, артезианский колодец для местного водопровода, подземная железная дорога для подвоза товара. А торговали в то время на всех трех этажах и в подвале.

Но больше всего, конечно, удивляла крыша – полностью прозрачная, созданная инженером Шуховым. Днем галереи освещал солнечный свет, а вечером отсюда можно было любоваться на луну.

Впрочем, к внешнему виду здания иной раз предъявлялись и претензии. Один из краеведов, некто В. Никольский, возмущался – дескать, здание только прикидывается исконно русским, а по сути же является «европейским пассажем, наряженным в неподходящий русский костюм», и осуждал его автора за «попытку с негодными средствами приблизиться к такому апофеозу подлинно русского зодчества, каким является стоящий рядом собор Василия Блаженного».

Правда, большинству москвичей полюбились новые ряды.

* * *

После революции сюда пришла всеобщая разруха, но с наступлением нэпа все, вроде бы, встало на свои места. Писатель Михаил Булгаков (бывший тогда репортером), сообщал своим читателям: «Торговые ряды на Красной площади, являвшие несколько лет изумительный пример мерзости запустения, полны магазинов».

Тогда же рядам присвоили новое имя – Государственный универсальный магазин, и Маяковский посвятил новому учреждению рекламные стишки:

Все, что требует желудок, тело или ум, —
все человеку предоставляет ГУМ.

Правда, за рамками рекламных госзаказов Маяковский порицал магазин за низменный, мещанский характер:

Каждый на месте:
невеста
в тресте,
кум —
в ГУМ,
брат —
в наркомат.

Что поделаешь – при экономике социализма неизбежен дефицит товаров потребления, а следовательно, высокий спрос на «теплые места» в торговых точках и при оптовых распределителях.

А в тридцатые ГУМа не стало. То есть здание, естественно, стояло на своем привычном месте, но торговлю напротив Кремля запретили. Да что там торговля – простому человеку даже просто прогуляться по пустынной Красной площади было опасно. Чекистам это могло показаться подозрительным – и наивный любитель прогулок исчезал навсегда. Бывший ГУМ заняли учреждения.

Однако особенно странно бывшие торговые ряды смотрелись во времена войны. В них тогда размещалась мотострелковая бригада особого назначения, и окна ради конспирации замазали густейшим слоем черной краски. Смыть ее после войны не удалось – пришлось вставлять новые стекла.

В 1947 году здание оказалось в опасности. На сей раз она исходила не от внешнего врага, а от российского правительства, решившего, что именно на этом месте нужно построить памятник Победы. Сам академик Щусев возмущался: «ГУМ мешает Красной площади. Это такое неприятное пятно, которое мешало площади и до революции... окна его мешают, форма их мешает, они не масштабные».

Видимо, он сравнивал торговые ряды с собственным произведением – Мавзолеем. И обижался на ряды – дескать, не соразмерные, не сомасштабные.

Однако обошлось. И в декабре 1953 года ГУМ открылся вновь. Это было одно из первых послаблений, устроенных народу после смерти Сталина. Старые Верхние торговые ряды вновь стали символом безудержного изобилия. Но всего-навсего на два десятилетия. В семидесятые годы в стране начались перебои с товарами, и ГУМ (где в отличие от прочих магазинов время от времени что-то «выбрасывали» на прилавки) стал ассоциироваться в первую очередь с огромными очередями. Правда, существовала «двухсотая секция», где, как говорят, было все. Но только для избранных – членов правительства и высших партийцев. И, разумеется, для иностранцев – их туда водили ради того, чтобы продемонстрировать прекрасный уровень качества жизни в государстве.

Впрочем, и простой советский человек мог без хлопот купить здесь дефицит. Но, правда, не в официальных секциях, а у фарцовщиков, которые из всех московских магазинов больше всего тяготели к ГУМу.

* * *

А в 1992 году, во время реставрации, вдруг выяснилось, что на протяжении всего советского периода вход в ГУМ был освящен иконой. Еще в 1893 году вход в Верхние торговые ряды со стороны Казанского собора украсили изображением Божией Матери. В советское время икону просто замазали, а затем загородили эмблемой «Крепи оборону страны».

А продавцы и посетители даже и не подозревали, что при входе в ГУМ креститься нужно.

Главный склеп СССР

Мавзолей (Красная площадь). Построен по проекту архитектора А. Щусева в 1930 году.

Камень на камень,
кирпич на кирпич,
умер наш Ленин
Владимир Ильич.

Это стихотворение сызмальства знакомо каждому учившемуся в школе во времена Советского Союза. А речь в нем идет, разумеется, о строительстве ленинского Мавзолея.

Впрочем, поначалу был не камень, не кирпич, а доски из архангельской сосны. Первый Мавзолей был деревянным. Его делали как временный, чтобы народ успел проститься со своим кумиром. А Ленин, несмотря на то, что с ног на голову перевернул Россию, пользовался успехом у электората.

И вот у Кремлевской стены, между дорогами, которые вели к тогда еще существовавшим Владимирским и Ильинским воротам Китай-города, лег, собственно, Владимир Ильич. Правда, ворота в скором времени снесли. А тело вождя, для того чтоб оно пролежало дольше, забальзамировали. «За всю революцию один только раз мы увидели, что такое бальзам для души: когда набальзамировали Ленина...» – сказал поэт Дон Аминадо. «Ленин умер, а тело его живет», – добавил некий неизвестный автор.

Для строительства Мавзолея был мобилизован архитектор Алексей Викторович Щусев. Он вспоминал об обстоятельствах, при которых получал этот заказ. Обстоятельства, надо сказать, были довольно необычными: «В артистической комнате при Колонном зале, куда меня привели, находились члены правительства и комиссия по похоронам В. И. Ленина. От имени правительства мне было дано задание немедленно приступить к проектированию и сооружению временного Мавзолея для гроба Ленина на Красной площади... Я имел время только для того, чтобы захватить необходимые инструменты из своей мастерской, а затем должен был направиться в предоставленное мне для работы помещение. Уже наутро необходимо было приступить к разборке трибун, закладке фундамента и склепа Мавзолея».

Времени на размышления нет, и Щусев напряженно работает. Правда, настроение совсем не творческое. Алексей Викторович понимает, что если что не так – ему конец. В самом банальном, физическом смысле. А страх – далеко не лучшая подмога в творческом процессе.

И Щусев пошел по простому пути – воспользовался уже веками проверенной идеей ритуального сооружения в форме египетской пирамиды. По сути он только разбил пирамиду на ярусы и отрезал верхушку. Была бы возможность подумать, поколдовать над разными вариантами – глядишь, и вышло бы что-нибудь оригинальное и самобытное. Но такой возможности не было.

К четырем часам утра готов эскиз, проставлены размеры. Конструкторы приступили к расчетам. Еще через несколько часов на Красной площади, под Кремлевской стеной вбиты колышки. Копать некогда, да и не поддастся мерзлая земля. Вызвана бригада подрывников. Котлован не роют, а взрывают. Здесь же – до костей промерзший, смертельно уставший, не блестящий юношеским здоровьем архитектор. Он уже не боится. Ему не до этого. Главное – успеть. И стараться не задумываться – что же будет, если опоздаешь.

Первый, временный Мавзолей построили всего лишь за четыре дня и пять ночей. Последние рабочие покидали объект, когда на площадь вносили тело вождя. Щусев успел, как говорится, чудом.

Алексей Викторович получил правительственную благодарность. Все сделанные им дореволюционные православные храмы заслонил храм новому, советскому вождю. Естественно, именно этот архитектор построил и второй, тоже деревянный, и третий, уже гранитный, Мавзолей. Власти абсолютно доверяли Щусеву – ведь как только возник Мавзолей, он сделался официально признанным главным советским архитектором.

* * *

Правда, Алексей Викторович не сумел, как говорится, удержаться на плаву. Дело в том, что еще будучи гимназистом, лишь только увлекшимся архитектурой и помогавшим своим знакомым делать беседку на даче, Щусев освоил жесткий и авторитарный стиль общения с подчиненными. Он их называл «своими инструментами», следил за тем, чтобы они были накормленными, выпавшимися, согретыми и не употребляли водку – как любой рачительный хозяин, он за «инструментами» следил. Но при новой власти «инструменты» получили новые возможности. Каково же было изумление Алексея Викторовича, когда один из его подчиненных, художник Никифор Тамонькин вдруг заявил, что проект мавзолея Щусев украл у него.

Тамонькин писал: «А.В. был человеком, не терпящим каких бы то ни было помощников, а тем паче меня: в силу моего крестьянского воспитания и малого образования он смотрела на меня так, как американец или англичанин смотрит на цветного человека, считая его неполноценным... Я – бедный крестьянский сын, батрак, он – отпрыск зажиточных родителей, воспитывался в дворянской среде. И сам вспоминал (хотя это он говорил еще до революции), что учился в одной гимназии с Пуришкевичем... Моя трудовая жизнь была отдана славе и наживе А.В.»

При новой власти именно крестьянин и батрак считались людьми первого сорта, а дворянское воспитание воспринималось как несмываемое пятно. Однако никаких серьезных последствий для Алексея Викторовича заявления Тамонькина не имели – власти абсолютно доверяли архитектору номер один. Гроза разразилась позднее, в тридцатые годы, после того, как Щусев выступил на архитектурном съезде. Это было даже и не выступление, а всего лишь одна фраза. Молотов произносил гневную речь по поводу того, что уважаемые и маститые архитекторы доверяют начинающим коллегам магазины, школы, бани и прочие заурядные объекты, а себе выбирают проекты дворцов.

– Следовало молодежи поручить дворцы? – подал саркастическую реплику Алексей Викторович.

Осторожность изменила архитектору. Подобные высказывания в те времена были недопустимы. Молотов повернулся к Щусеву и произнес:

– Если вам не нравятся наши установки, мы можем дать вам визу за границу.

Вскоре после этого последовало очередное обвинение в воровстве. В газете «Правда» были опубликованы письма молодых архитекторов Савельева и Стопрана. Авторы утверждали, что Алексей Викторович украл у них проект гостиницы «Москва». Маститый зодчий превратился в мальчика для битья. Во всех архитектурных мастерских шли собрания, на которых осуждали «зарвавшегося буржуазного архитектора».

Около года Щусев был в опале. Но былые заслуги, а также умение Щусева заводить нужные связи и пользоваться ими все-таки сделали свое дело. Реабилитация прошла довольно быстро и унижительно для Савельева и Стопрана. Президент Академии архитектуры А. Веснин неожиданно показал им фотографию и задал вопрос: что здесь изображено.

– Наш первый вариант гостиницы «Москва», – не задумываясь, ответили архитекторы.

– Стыдно вам, молодые люди, – ответил Веснин.

На фотографии был изображен фасад ялтинской гостиницы, спроектированной Щусевым за много лет до этого. Справедливость была восстановлена. Создатель главного сакрального сооружения страны вновь вышел из опалы.

* * *

Мавзолей же, между тем, жил своей жизнью. Говорят, что сразу же после открытия там испортилась канализационная труба (ее неосторожно повредили при строительных работах). И якобы по этому поводу патриарх Тихон заметил: «По мощам и елей». Если это так, то в специфическом «елее» недостатка не было – с трех сторон от мавзолея размещались часто посещаемые туалеты.

Но была проблема посерьезнее. Трубы-то починить несложно, а вот что делать с Мавзолеем – было не совсем понятно. Да, держать его открытым для осмотра тела. Но и только-то?

Высокопоставленный чиновник того времени Л. Красин предложил: «Может быть, уместно будет над самым гробом Владимира Ильича дать гробнице форму народной трибуны, с которой будут произноситься будущим поколением речи на Красной площади».

Красину вняли, и трибуна появилась. Тем более что прецедент имелся: задолго до Рождества Христова древние жрецы-халдеи свершали свои колдовские обряды над мумиями почитаемых божеств.

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца», – так окрестили в будущем традицию, заложенную Красиным.

В тридцатом году на площади появился Мавзолей гранитно-лабрадоровый. При разработке саркофага Щусев и его помощники вспомнили пушкинскую фразу о хрустальном гробе. И, по преданию, долго ездили по городу Москве – искали среди витринных окон подходящее стекло.

Вообще, с Мавзолеем связано немало преданий и легенд. Неудивительно, если учесть предназначение этого сооружения. Чай не кафе, не прачечная – главный склеп СССР.

Мавзолей сделался одним из символов Москвы. Он постепенно обрастал имуществом. Туда, например, поместили, знамя Парижской коммуны. Поговаривали, что в Мавзолее организовали спецбуфет и что именно здесь находится парадный вход в подземную, на глубине трех сотен метров, квартиру для тайных пьянок социалистического руководства.

Но все это, конечно же, держалось в тайне от народа. Простым людям разрешалось лишь одно – пройтись неспешным шагом мимо тела. Для того чтобы полюбоваться на «живого Ленина» следовало отстоять длинную очередь. Турист Джон Стейнбек так писал о роли Мавзолея в нашем обществе: «Весь день и почти ежедневно вереница людей медленно проходит через Мавзолей, чтобы посмотреть на Ленина через стеклянную крышку гроба; идут тысячи людей, они проходят мимо, мгновение смотря на выпуклый лоб и острый нос, и заостренный подбородок Ленина. Это похоже на религиозный обряд, хотя они это религией не назвали бы».

А инвалид Жачев из романа Андрея Платонова «Котлован» объяснял своим товарищам: «Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет – воскреснуть хочет».

Отношение народа к Мавзолею было странным.

А на трибуне каждый праздник жили своей жизнью первые люди государства. Как-то раз во время демонстрации шел мелкий дождь. Сталин на время отлучился, и Каганович снял перчатки и начал стряхивать капли с парапета на головы генералов, стоявших ниже ярусом. Генералы морщились, но не протестовали. Вскоре вернулся Сталин, строго посмотрел на своего коллегу, однако не сказал ни слова, а тоже снял перчатки и продолжил дело, начатое Кагановичем.

И это – лишь один из многих эпизодов жизни на трибунах Мавзолея.

Правда, в войну у него наступили дни безрадостные. Чтобы авиация врага не разбомбила главную святыню государства, ее подвергли маскировке. В результате величавый Мавзолей скрылся под муляжом обыкновенного жилого дома. Впрочем, во время знаменитого ноябрьского парада сорок первого святыню расчехлили, и Сталин выступил с трибуны с речью.

Правда, тела Ленина в то время в Мавзолее не было. Его еще в самом начале войны отправили в эвакуацию, в Барнаул. Сопровождали мумию главный смотритель академик Збарский с женой и юным сыном. Всей компании дали отдельное купе. Збарский и его супруга заняли верхние полки, а сын и Ленин – нижние. Спирт, выданный для ухода за покойником, обменивали на маргарин.

Ленин плохо перенес поездку и вернулся, весь покрытый плесенью. Тогда один отважный доктор обдал тело кипятком. Плесень сошла, однако Ленин после этого начал пузыриться и разлагаться. К счастью, главные фрагменты – голова и руки – сохранились.

А после смерти Сталина у Мавзолея настал звездный час. Великих покойников стало двое. Публицисты восторгались: «Необъятна наша страна, много в ней памятных мест, которые посещают советские люди... Но нет на земле памятника, подобного Мавзолею на Красной площади, Мавзолею, где покоится прах великих вождей трудящихся В. И. Ленина и И. В. Сталина. Нет более дорогого, почитаемого нами места на земле».

Однако вскоре Сталина убрали, и с того момента Мавзолей начал переживать затяжной кризис. Народные шутки по поводу Ленина делались все более циничными и злыми. А когда после восстания 1993 года от здания убрали немигающих солдат – известный пост №1, Мавзолей утратил статус официальной государственной святыни.

Партизаны

Памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому (Красная площадь) работы скульптора И. Мартоса. Открыт перед зданием Верхних торговых рядов в 1818 году, перенесен к храму Василия Блаженного в 1931 году.

Пожалуй, всем без исключения известен памятник Минину и Пожарскому, без малого два века украшающий московскую Красную площадь. Но мало кто знает, что памятник этот был предназначен для Нижнего Новгорода.

Идею памятника первым высказал забытый в наши дни Василий Попугаев, литератор. Произошло это в 1803 году. А уже спустя год скульптор Мартос выставил на обозрение макет своего памятника двум российским патриотам. Он сообщал: «Сия модель была выставлена в открытие Академии для суждения публики, а после того и в моей мастерской многие особы ее видели, от которых, подобно как и от всей публики, я имел получить отзыв весьма одобрительный не только в рассуждении сочинения монумента, но и предприятия к произведению его в действо».

Идею же памятника автор комментировал следующим образом: «Минин устремляется на спасение Отечества, схватывает своей правой рукой руку Пожарского – в знак их единомыслия – и левой рукой показывает ему Москву на краю гибели».

В 1809 году официально начался сбор денег на установку памятника. Тогда еще ни у кого не вызывало никаких сомнений – Минину с Пожарским предстоит обосноваться в Нижнем Новгороде. Нужная сумма была собрана, после чего прошел творческий конкурс, в котором победил все тот же Мартос. Он-то и настоял на том, чтобы поставить монумент в Москве.

Нижегородцы огорчились. Тем более уже готовую статую отправили в Москву по Волге, и в Нижнем Новгороде, будто бы в насмешку, сделали остановку и торжественную демонстрацию мартовского произведения. «Никакое перо не может изобразить, в какое восхищение приведены как некие горожане, так и всего здешнего края жители появлением в здешних водах столь знаменитого памятника согражданину своему», – писал один из очевидцев.

Чтобы утешить обделенных жителей Нижнего Новгорода, было принято решение поставить что-нибудь и здесь. Конечно же, нижегородское сооружение было скромнее – просто обелиск. Однако же и с обелиском вдруг возникли сложности.

В то время в Нижнем подвизался столичный инженер-строитель А. А. Бетанкур. Естественно, что городские власти обратились именно к нему за консультацией – где ставить памятник. Ответ Августина Августиновича всех обескуражил. По мнению его, площадь против присутственных мест в Нижнем Новгороде есть единственное место, где обелиск поставлен быть может, но все здания, окружающие ту площадь, в бывший пожар сгорели.

Почти десятилетие нижегородцы обсуждали, где поставить памятник героям-ополченцам. В конце концов выбрали кремль. Но по дороге обелиск случайно раскололся на две части. Проживавший тогда в городе поэт Тарас Шевченко, недовольный памятником, позлорадствовал: «Приношение благодарного потомства гражданину Минину и князю Пожарскому – конечно, позорящее неблагоприятное потомство приношение. Утешительно, что этот грошовый обелиск уже переломился».

Однако памятник заклеили, и он до сих пор возвышается посередине Нижегородского кремля. Гораздо большей популярностью пользуется памятник герою Минину, поставленный позже на площади, носящей его имя. Именно здесь горожане назначают свидания. Прийти на встречу к старому поломанному обелиску никому и в голову-то не приходит.

В Москве тоже не все было складно. Первоначально памятник предполагалось поставить на Страстной площади. Затем выбрали Красную площадь. При этом император Александр I требовал, чтобы монумент установили посреди площади, спиной к Кремлю. Но скульптор его переубедил. Мартос вспоминал впоследствии: «Услышав сие, я доказал всю неудобность сего дела, ибо площадь, которая теперь чиста и открыта для проезда, будет загромождена, а монумент потеряет свой вид, потому что езда будет сзади его и очень близко, и что по сюжету он должен быть поставлен лицом к Кремлю».

Открытие было торжественным. Газеты информировали: «Во время сего торжественного обряда стечение жителей было неимоверное; все лавки, крыши Гостиного двора, лавки, устроенные нарочно для дворянства около Кремлевской стены, и самые башни Кремля были усыпаны народом, жаждущим насладиться сим новым и необыкновенным зрелищем».

О памятнике сразу же заговорили. Более того, он стал главным героем переписки москвичей. В день открытия «Минина и Пожарского» Василий Львович Пушкин (дядюшка поэта А. С. Пушкина) сообщал Петру Андреевичу Вяземскому: «Я не выдержал и поехал посмотреть на монумент. Сие произведение достойно славных времен Греции и Рима. Я ничего не видел подобного. Стечение народа было многочисленное... Я слышал много любопытного. Один толстый мужик с рыжею бородою говорил своему соседу: Смотри, какие в старину были великаны! Нынче народ омельел.

Другой: В старину ходили по Руси босиком, а на нас немецкие сапоги надели.

Третий: Прославляется Матушка Москва каменная! Таких чудес еще и не бывало! Час от часу все у нас краше! И точно, правда! Через десять лет Москва будет украшением нашего отечества».

А в книге «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского» было написано: «Бедствие 1812 года оживило в памяти бедствия 1612 года, и монумент сей будет служить потомству памятником обеих достославных эпох».

Как-то уже забылось, что установить тот монумент решили еще до войны с Наполеоном. Многим казалось, что на самом деле это памятник событиям недавних лет, а Минин и Пожарский – просто аллегория.

Описание монумента, конечно же, вошло в путеводители по городу. А. Ф. Малиновский писал в 1826 году в книге «Обозрение Москвы»: «Колоссальное изображение боярина князя Пожарского и нижегородского жителя Козьмы Минина... Торжественное открытие сего первого гражданского в Москве памятника воследовало 20 февраля 1818 года в присутствии самого государя императора и государынь императриц при бесчисленном скоплении народа. Лишь только завеса упала и открылись лики оживленных в металле мужей, то с загремевшею военною музыкою раздалось радостное „ура“ от жителей Москвы, ожидавших с благоговением сей минуты. Многократно повторенные восклицания принадлежали герою-монарху, чтущему и за пределами гроба подвиги, подъятые для отечества».

Не обошлось и без стихов. Н. В. Станюкович сочинил четверостишие «Надпись к памятнику Пожарского и Минина»:

Сыны отечества, кем хищный враг попран,
Вы русский трон спасли, – вам слава достоянье!
Вам лучший памятник – признательность граждан,
Вам монумент – Руси святой существованье!

А также и без критиков. В частности, Виссарион Белинский написал о памятнике в письме «Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной»: «Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мной тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние! Волосы дыбом поднимаются на голове моей, кровь

быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется все существо мое, и холод пробегаёт по телу. Вот, думаю я, вот два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенной любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: именем, жизнью, кровью. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой Москвой, когда вероломный король их брал города русские, они одни решились спасти ее... – и спасли погибающую отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности».

Чуть позже поэт Н. А. Некрасов подавал работу Мартоса как основную достопримечательность Москвы:

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади.

По-настоящему критиковали, то есть поругивали новенький памятник немногие. А. С. Пушкин писал в «Примечании о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину», что надпись на постаменте «конечно, не удовлетворительна: он для нас или мещанин Косма Минин по прозвищу Сухорукой, или думный дворянин Косма Минич Сухорукой, или наконец, Кузьма Минин, выборный человек от всего Московского Государства, как назван он в грамоте о избрании Михаила Федоровича Романова».

А такой до неприличия язвительный автор, как француз маркиз де Кюстин, отметил: «Выйдя из ворот... на небольшую площадь, видишь бронзовый памятник, изваянный в очень скверном, так называемом псевдоклассическом вкусе. Мне показалось, будто я попал в Лувр, в мастерскую посредственного скульптора времен Империи. Памятник изображает в виде двух римлян Минина и Пожарского, спасителей России, которую они освободили от господства поляков в начале XVII века: нетрудно догадаться, что римская тога – не самый подходящий костюм для подобных героев!.. Нынче эта пара в большой моде».

Словом, довольно быстро вокруг памятника создан был целый пантеон стихов, статей и устных отзывов. Образовался своего рода литературный памятник памятнику скульптурному.

Дело, в общем, не редкое в русской истории. У нас статуи любят.

* * *

Памятник, как водится, со временем пришел в негодность. Бытописатель И. Ф. Горбунов писал в 1875 году: «Вот некогда чтимый памятник Минину и Пожарскому. Надпись на нем обветшала и осыпалась, самый же памятник окружен ломовыми извозчиками и мелкими торговцами, что и препятствует ему быть величественным».

Другой литератор, И. Беляев примечал: «Старинные городские ряды были темны, грязны и узки. По фасаду, против памятника Минину и Пожарскому, выступали круглые обветшавшие колонны, за которыми виднелся целый ряд торговцев с ящиками, кричавших: „Пирожки горячие! Пожалуйте, господа!“»

Впрочем, еще сорока годами раньше поэт Лермонтов упоминал: «...суетятся булешники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.